

М. Б. Ташлыкова

Иркутский государственный университет

Семантика подражания в современном русском языке

Аннотация: Статья посвящена осмыслению феномена деривационной избыточности в сфере производства nomina abstracta, анализу причин и форм проявления конкуренции отвлеченных имен, входящих в состав одного словообразовательного гнезда.

The present paper investigates the phenomenon of derivational redundancy in the domain of the formation of nomina abstracta, certain peculiarities of Russian words expressing the meaning of 'imitation' as well as the reasons of the coexistence of several abstract nouns within the same word family.

Ключевые слова: синтаксическая деривация, семантика отпредикатных имен, функционирование nomina abstracta.

Syntactic derivation, semantics of deverbative and deadjectival abstract nouns, functioning of nomina abstracta.

УДК: 81'37

Контактная информация: Иркутск, ул. К. Маркса, 1. ИГУ, факультет филологии и журналистики, кафедра русской и зарубежной литературы. Тел. (3952) 243995. E-mail: taschlykoff@mail.ru.

*...Чтоб истребил господь нечистый этот дух
пустого, рабского, слепого подражания.*

А. Грибоедов

Подражательство лишено души и уничительно.

Е. Весник

0. Вводные замечания. Постановка задачи.

Объектом данной работы является семантическая область «подражания» и соответствующий ей круг лексических обозначений. Данный объект представляет интерес в нескольких отношениях.

0.1. В словообразовательном гнезде глагола *подражать*, насчитывающем всего 14 единиц, содержатся **три** производных субстантива, образованных по стандартным моделям синтаксической деривации. Если иметь в виду классические представления о синтаксической деривации как о процессе транспонирования исходного смысла в новую грамматическую форму, следует ожидать, что названные единицы имеют полностью тождественное лексическое значение и являются собой результат своеобразной деривационной избыточности¹.

¹ Существительные *подражание* и *подражательство* являются кодериватами вершинного глагола; существительное *подражательность*, формально мотивированное прилагательным *подражательный*, семантически также восходит к базовому глаголу, поскольку прилагательное само функционирует как синтаксический дериват и не способно служить источником нового содержания.

Их семантическая близость в отдельных случаях, действительно, имеет место, ср.: **подражание** Хемингуэю, **подражательство** импрессионизму, **подражательность** чужим образцам. В других случаях эти существительные не обладают способностью к взаимозаменяемости, используются для высвечивания разных граней определенного концепта: *образцом для подражания считается Чехия; стихи только и состоят из подражательства; он расположен к подражательности*.

Попытка эксплицировать эти различия и предложить их системное описание составляет первую задачу настоящей работы.

0.2. Важно подчеркнуть, что *подражание*, *подражательство*, с одной стороны, и *подражательность*, с другой, являются производными разных частей речи и тем самым представляют собой один из тех случаев, когда в состав глагольного гнезда входят несколько отвлеченных существительных, одни из которых являются собственно отглагольными, другие – отадективными:

подражать → *подражание*
→ *подражательство*
→ *подражательный* → *подражательность*

Материал такого рода вводит в рассмотрение отвлеченные имена, являющие собой точку пересечения глагольной и адективной семантики. Выявление специфики взаимодействия процессуального и признакового начала в семантической структуре анализируемых имен составляет вторую задачу данной статьи.

0.3. Анализ научной литературы, посвященной проблемам синтаксической деривации, показывает, что в центре внимания исследователей стоят скорее вопросы функционирования синтаксических дериватов, чем их семантика. Между тем, насколько нам известно, системное обследование всего массива отвлеченных имен не проводилось; утверждение о их безусловном семантическом тождестве с производящим (глаголом или прилагательным) сформулировано в значительной степени априори и требует проверки и осмысления. Детальное описание отдельных единиц, ориентированное на выявление их семантической, прагматической, коммуникативной специфики, позволит внести определенный вклад в решение этой задачи и уточнить классические представления о феномене синтаксической деривации.

Материал исследования – примеры контекстного употребления лексем *подражать*, *подражание*, *подражательство*, *подражательный*, *подражательность*, извлеченные из Национального корпуса русского языка [www.corpora.yandex.ru] и Тюбингенского корпуса русских текстов [<http://heckel.sfb.uni-tuebingen.de>] (всего – около двух тысяч употреблений).

В ходе анализа последовательно учитываются формальные характеристики предложений, включающих данные единицы, и содержательная специфика ситуации, которую они характеризуют.

1. Глагол как способ реализации семантики подражания

Согласно МАС, глагол *подражать* имеет значение ‘повторять, воспроизводить с возможной точностью какие-л. звуки, чьи-л. действия’ (*подражает голосу гида, подражает вою собаки*) и два оттенка: ‘следовать примеру кого-л.’ (*отец подражал деду в обращении с братьями*); ‘следовать чужому образцу в своем творчестве’ (*подражать старым мастерам*).

Анализ примеров Национального корпуса показывает, что *подражать* используется в нескольких типах контекстов.

(1.1) *X подражает Y-у Z-а или Z-овому Y (подражать звуку сирены, голосу Левитана, их добросердечию и т.п.)*;

(1.2) *X подражает Z-у в Y (подражал матери в склонности к высоким материям и парадоксам)*; с обратным порядком компонентов: *X подражает в Y Z-у (подражал в стихах Пушкину и Байрону)*;

(2) *X подражает Z-у (подражает отцу, начальству, другу)*.

(1.1) и (1.2) описывают прототипическую для глагола ситуацию, в которой субъект подражания (*X*) воспроизводит те или иные звуки, действия или свойства объекта подражания: *подражать речи матери, баритону или кларнету, жужжанию мухи, шипению змеи; подражать движениям птицы, походке, ухваткам; подражать жизни святых, свойствам Божиим*.

При этом указание на объект подражания (*Y*) оформляется двумя способами: в (1.1) имя *Y*-а входит в состав атрибутивной синтагмы, в (1.2) – в состав конструкции с внешним посессором, которая образуется в результате расщепления исходной валентности предиката, занимаемой генитивной группой¹. В (2) *подражать* управляет именами лиц, идентифицирующими (*подражать старшему брату*) или предикатными (*подражать старым мастерам*). Представляется, однако, что и в этих случаях ядром значения глагола остается та же идея воспроизведения действий (свойств, поступков, поведения) лиц, обозначенных зависимым существительным. При идентифицирующих именах аспект подражания, как правило, назван в контексте тем или иным способом, ср.: *Подражая героям этих книг, то и дело хлопались в обморок* (И. Грекова).

Сочетание *подражать* с предикатным именем лица такой расшифровки не требует, потому что указание на типичное для этого лица действие естественным образом заключено в значении называющего его существительного: *Стараясь подражать следопытам из книг про индейцев, Гуров сделал попытку отыскать в траве под ногами что-либо похожее на человеческие следы* (Н. Леонов); *Пацаны во дворе, подражая музыкантам, пытались извлекать из самодельной гитары какие-то звуки* (Н. Соловьева).

Таким образом, *X подражает Y* – значит, *X* повторяет, воспроизводит действия или свойства, которые прямо названы *Y* или которые типичны для лица, обозначенного *Y*. Важно подчеркнуть, что сами эти действия могут различаться весьма существенным образом как в аспекте их «содержательной наполненности», так и в аспекте временной протяженности (см. примеры выше).

2. Отглагольное существительное как способ реализации семантики подражания

2.1. Подражание

Отглагольное существительное *подражание* образовано в рамках стандартной модели синтаксической деривации.

В подавляющем большинстве случаев имя субъекта при таком производном имени занимает позицию генитива: *Маша поет* → *пение Маши*. Девербатив *подражание*, однако, не зафиксирован в составе генитивных конструкций, ср. *малыш подражает речи матери* → **подражание малыша речи матери*; *охотник подражает голосу птицы* → **подражание охотника голосу птицы*.

На этом основании можно утверждать, что для рассматриваемого существительного в высшей степени характерно типичное для процессуальных имен низведение субъекта². Субъект действия, обозначенного как *подражание*, иногда упоминается в контексте: *Аполлон спускался в мир окружавшей его действительности только для подражания любовным мотивам Гейне* (А. Скабичевский), но в большинстве случаев мыслится максимально обобщенно: *Современная мода устремилась к другой крайности – к подражанию старинной русской иконописи со всеми ее неправильностями* (И. Брянчанинов)³.

Сказанным, вероятно, объясняется тот факт, что в кругу употреблений существительного *подражание* нет таких, которые допускали бы обратную трансформацию в предложение с личным глаголом, ср.:

¹ Семантические эффекты расщепления валентности рассмотрены в [Ташлыкова, 2012].

² Термин из [Гак, 1998].

³ Напротив, объект подражания назван в подавляющем большинстве контекстов.

Подражание западным образцам наши предки называли чужебесием (Б. Ключников) ↔ ???

Невинное это подражание фашистам наказывалось гауптвахтой (Э. Лимонов) ↔ ? *то, что подражали фашистам?*

В лучшем случае существительное *подражание* заменяется инфинитивом, то есть одна номинализованная конструкция преобразуется в другую: *для подражания любовным мотивам Гейне* ↔ ... *только для того, чтобы подражать любовным мотивам Гейне...*

Особый способ реализации базовой глагольной семантики воплощает предложное сочетание **в подражание**, которое используется как синоним деепричастного оборота и в ряде контекстов даже выделяется запятыми. Поэтому в предложениях, содержащих конструкцию *в подражание кому (чему)*, субъект обычно назван (это подлежащее основного высказывания): *Другие дамы, в подражание ей, едва шепчут* (И. Тургенев) ↔ *Другие дамы, подражая ей, едва шепчут*.

Более сложное преобразование исходной диатезы являет собой конструкция **пример / образец для подражания**. Она представлена в двух основных разновидностях.

(1) *Х подражает У-у → У является (становится, признается) образцом для подражания:*

Образ Иисуса Христа становится морально-этическим образцом, персонафицированным примером для подражания (В. Павленко).

Таня, как выяснилось, обладала редким и трудно определяемым качеством: все, что она ни делала – завязывала бант, обертывала тетрадь, стряхивала с рук капли воды, морщила нос при улыбке, – каждое ее движение сразу становилось заметным, популярным, а сама она – образцом для подражания (Л. Улицкая).

(2) *Х подражает У-у → образец для подражания – это У (образцом для подражания признается, считается, становится У).*

Образцом для подражания в манере одеваться и подавать себя признана топ-модель Кейт Мосс (Огонек).

Объектом обожания и подражания может оказаться преуспевающая и популярная публичная персона (А. Шувалов).

В обоих случаях в коммуникативный фокус высказывания выдвигается объект подражания; информация о субъекте либо вытекает из знания контекста в целом (причем имя конкретного лица в этой позиции встретилось лишь однажды, см. пример из Л. Улицкой), либо вообще отсутствует, благодаря чему субъект мыслится обобщенно. Другими словами, результатом рассмотренных трансформаций является своеобразная генерализация субъектной семантики.

Таким образом, существительное *подражание* обладает рядом функциональных особенностей. Оно осуществляет коммуникативное ранжирование, выводя субъект из коммуникативного фокуса высказывания на периферию или за кадр¹ и концентрируя внимание на объекте. Разные конструкции предлагают различные варианты такого коммуникативного членения.

Трансформационный тест демонстрирует, что в подавляющем большинстве случаев высказывание с девербативом невозможно заменить высказыванием с личным сказуемым (в качестве трансформации употребляется инфинитив или деепричастие); в других случаях использование производящего глагола на месте производного имени невозможно вообще. Этот факт заставляет усомниться в процессуальной природе анализируемого субстантива (и, кстати, в возможности

¹ Под коммуникативным рангом мы вслед за Е.В. Падучевой понимаем «прагматическую характеристику участника через его отношение к фокусу внимания говорящего» [Падучева, 2004, с. 58].

квалифицировать его как синтаксический дериват)¹. Не случайно предложное сочетание *в подражание* легко заменяется сравнительным союзом *так же, как* (*и*): *Базаров, Кирсанов, – проговорил он отрывисто в подражание Базарову* (И. Тургенев) \approx *проговорил он так же отрывисто, как Базаров*.

Получается, что, используя существительное *подражание*, говорящий характеризует какое-то другое действие, свойство, состояние в аспекте его «генеалогии».

2.2. Подражательство

Существительное *подражательство* в силу особенностей своей словообразовательной структуры должно функционировать как точный синоним субстантива *подражание*: как указывает «Русская грамматика», существительные с суффиксом *-ств(о)/-еств(о)/-тельств(о)/-овств(о)* имеют то же значение, что существительные с суффиксом *-ни|л-*, совмещая присущее мотивирующему глаголу значение процессуального признака (действия, состояния) со значением существительного как части речи (см. § 264, 265).

Анализ примеров контекстного употребления показывает, однако, что названные дериваты функционируют неединообразно.

Подражательство в основной массе употреблений теряет не только субъектный, но и объектный актанта: *Все мои стихи только и состоят из подражательства и подражания и главным образом – из эпигонства* (Е. Кушнер).

В Национальном корпусе зафиксированы лишь единичные контексты, в которых *подражательство* сохраняет указание на объект: *Выпячивается подражательство голлистскому «Объединению в защиту республики»* (В. Попов).

Таким образом, отглагольное имя утрачивает связь с участниками ситуации, названной производящим (*X подражает Y*) и, следовательно, утрачивает способность обозначать эту ситуацию в ее конкретике. Именно это, как представляется, отличает *подражательство* от *подражания*: последнее, как видно из рассмотренных выше примеров, характеризует такие ситуации, в которые вовлечен определенный объект, служащий образцом для многих субъектов.

Подражательство отражает другую, более высокую, степень абстрагирования. С известной степенью условности смысл, выражаемый этим существительным, можно назвать резюмирующим; оно констатирует, что постоянное повторение чьих-либо действий, постоянное стремление быть на кого-то похожим приводит к утрате индивидуальности; таким образом, данное отглагольное имя акцентирует идею отсутствия оригинальности как таковую, ср. следующие выразительные противопоставления: *В его маленьких, но уже непростых по исполнению пьесах нет подражательства, а есть индивидуальность* (Н. Бояркина); *Всякое маломальское проявление истинного Театра моментально тонет в потоке подражательства, растаскивается, разворачивается* (Г. Бурков).

3. Отглагольное прилагательное как способ реализации семантики подражания

Отглагольные прилагательные с суффиксом *-тельн-*, по свидетельству «Русской грамматики», имеют словообразовательное значение ‘характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом’. Частные словообразовательные значения: (1) ‘производящий действие’, обычно с оттенком ‘способный его произвести’; (2) ‘являющийся объектом действия’, обычно с оттенком ‘способный им стать’². Иными словами, прилагательные такого типа могут быть

¹ Проблема квалификации отглагольного имени как синтаксического или лексического деривата остается открытой и не может быть решена в рамках отдельной статьи.

² Как представляется, обе формулировки не вполне точны, так как указывают собственнo на субъект / объект действия, а не на признак. Вероятно, правильнее было бы говорить о значениях ‘признак субъекта по действию, обозначенному производящим глаголом’,

как субъектно, так и объектно ориентированными (ср.: *требовательный человек, очаровательная девушка, старательный ученик* → *метательный снаряд, сосательная конфета*).

Отметим, что в подавляющем большинстве случаев значение прилагательного с суффиксом *-тельн-* проявляется на фоне трансформации атрибутивного словосочетания в конструкцию с производящим глаголом: *старательный ученик* ← ученик, который старается; *сосательная конфета* ← конфета, которую сосут; *затруднительное положение* ← положение, которое затрудняет и т.п.

Атрибутивные сочетания с прилагательным *подражательный* почти не способны к таким трансформациям.

Подражательный + имя лица

Субъектно ориентированные употребления прилагательного *подражательный* представлены единичными примерами. Оно крайне редко сочетается с именами лиц. Сочетания с идентифицирующими именами абсолютно невозможны: **подражательный Иван Петрович*, **подражательная бабушка* и т.п. Возможность сочетания с предикатными именами (*подражательный актер, писатель*) обуславливается, как отмечалось выше, тем, что они – в силу организации своей семантики – однозначно указывают на аспект подражания. При этом объект подражания мыслится максимально обобщенно, так как указание на него в подобных случаях нерелевантно (ценность писателя, актера и т.п. определяется их оригинальностью, поэтому неважно, кому именно они подражают, – важен лишь сам факт подражательности).

В редких случаях место определяемого существительного занимает не имя лица, а имя какого-либо его свойства: *Подражательная сила в характере подростка превышает все остальное* (В. Крупин); *Их способность к абстракции гораздо выше, чем эксплуатируемая с детства запоминательная, подражательная, кибернетическая способность* (А. Битов).

В подобных контекстах указание на объект подражания также необязательно, поскольку прилагательное актуализирует представление о самой способности субъекта подражать – неважно чему.

Подражательный + процессуальное имя

Наибольшей частотностью характеризуются сочетания прилагательного с процессуальными именами: *В семьях, где заикается кто-то из взрослых, у детей может развиваться так называемое подражательное заикание* (Ю. Крывелева); *Гоголь думал, что есть два вида подражательного воспроизведения природы и что портрет ростовщика был делом первого из подражаний, менее совершенного и эстетически даже незаконного* (И. Анненский); *подражательная работа, подражательный процесс, подражательные действия, подражательные подвижные игры и танцы* и т.п.

Сложность интерпретации прилагательного в конструкциях такого рода обусловлена следующим.

По формальным признакам подобные конструкции соотносятся с сочетаниями типа *курительный табак, употребительное выражение*, так как опорное слово атрибутивного сочетания восходит к объектному компоненту исходного высказывания: *курительный табак* ← *Х курит табак*, *употребительное выражение* ← *Х {часто} употребляет выражение*, *подражательное заикание* ← *Х подражает заиканию*. Однако если в двух первых случаях грамматическая перестройка не влечет за собой мену семантической роли существительного, то в последнем она сопровождается формированием своеобразной «функциональной омонимии» опорного имени. Действительно, *подражательное заикание* – не только то, **которому** подражают, но и то, которое возникает как **результат** подражания.

‘признак объекта по действию, обозначенному производящим глаголом’ (или: ‘характеризующий субъект / объект по действию, обозначенному производящим глаголом’).

Следовательно, словосочетания типа *подражательное заикание, подражательные игры, подражательное развитие* и т.п. более правомерно квалифицировать как субъектно ориентированные употребления, в которых указание на субъект осуществляется метонимически. В этом отношении по характеру компонентов (прилагательное с суффиксом *-тельн-* + процессуальное имя существительное) сочетания типа *подражательное заикание* обнаруживают определенное сходство с сочетаниями *старательная работа, выжидательное молчание, признательные показания*. Попробуем выявить функционально-семантическое своеобразие прилагательного *подражательный* на их фоне.

Отметим, во-первых, что в глагольных конструкциях, соотносительных с названными сочетаниями, опорное существительное не может заполнять объектную валентность (*воспитательная работа* ← **воспитать работу, разъяснительная беседа* ← **разъяснить беседу, спасательные работы* ← **спасать работу* – ср. *подражательное заикание* ← *подражать заиканию*); оно замещает скорее синтаксическую позицию субъекта (*работа, которая воспитывает; беседа, которая разъясняет* и т.п.), метонимически указывая на агенс той пропозиции, которую вводит, являясь синтаксическим дериватом производящего глагола (*работа* ← *Х работает, беседа* ← *Х беседует* и т.д.).

Немаловажно, во-вторых, что и позиция определения при термовом имени является синтаксически вторичной, производной, соотносится с глубинной пропозициональной структурой: «Атрибут – результат предшествующей работы речевого механизма, есть бывший предикат, подвергнутый определенным преобразованиям [Мурзин, 1974, с. 33]. По мнению Л.Н. Мурзина, все определения образуются в результате контаминации предложений. В процессе контаминации проявляется творческая коммуникативная активность говорящего, так при этом снимаются «лишние, с точки зрения говорящего, смысловые акценты в линейном ряду текста. Это выражается прежде всего в том, что глубинный предикат на поверхностном уровне предстает в иной, преобразованной форме» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 38]. Адъективная номинация, позиция определения также являются средством оформления зависимого статуса этой пропозиции по отношению к той, которая оформляется глаголом в составе данного высказывания.

Таким образом, атрибутивные сочетания с прилагательным на *-тельн(ый)* вводят в высказывание две пропозиции, одна из которых находится в коммуникативном фокусе, а другая – за его пределами (последняя имеет подчиненный характер). Эти пропозиции связаны тождеством субъекта: *Х старается, Х работает* → *старательная работа (Х-а); Х молчит, Х выжидает* → *выжидательное молчание (Х-а); Х дает показания, Х признается* → *признательные показания (Х-а)*.

Поскольку пропозиции выступают в свернутом виде, отношения между ними тоже недостаточно эксплицитны. Как кажется, наблюдается следующая тенденция. Если опорное имя является обобщенным названием какого-либо процесса, а прилагательное образовано от лексически однозначного глагола, обозначающего действие / деятельность или ее результат, зависимая предикация уточняет содержание главной: *строительные работы* ≈ (1) *Х работает* (основная предикация), (2) *Х строит* (зависимая) => уточняется содержание понятия *работа*, то есть (2) уточняет содержание (1). Это уточнение может иметь целевой или каузальный характер: *воспитательная работа* ≈ (1) *Х работает*; (2) *Х воспитывает*; *разъяснительная беседа* ≈ (1) *Х беседует*; (2) *Х разъясняет* => *Х работает, беседует с целью воспитать, разъяснить*; *утомительная работа* ≈ (1) *Х работает*, (2) *Х утомляется* => *Х утомляется*, потому что *работает*¹ и т.п.

¹ В последнем случае содержательно главной является грамматически зависимая предикация.

Если прилагательное образовано от глагола, обозначающего способ осуществления действия (*стараться*), атрибутивное словосочетание имплицитно характеризующие отношения между двумя предикациями: *старательная работа* ≈ (1) *Х работает*, (2) *Х старается*; *медлительные движения* ≈ (1) *Х двигается*, (2) *Х медлит*; другими словами, зависимая предикация содержит информацию о том, как именно осуществляется действие, названное в главной: *Х работает старательно*, *Х двигается медлительно*.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что имена прилагательные с суффиксом *-тельн-* имеют еще одно регулярно реализуемое словообразовательное значение: ‘признак процесса по действию, названному производящим глаголом’¹. Правомерность такого решения обосновывается рядом соображений. Признак действия является для языка системообразующим, на что указывает наличие особого класса слов, специализирующихся на выражении этого значения (наречие). Наречия, как известно, могут характеризовать действие как таковое, указывая на его свойство, качество, интенсивность проявления и т.п. (собственно характеризующие наречия: *весело смеялся*, *быстро бежал*), и могут обозначать признак, внешний по отношению к его носителю, то есть характеризующий по месту, времени, условию и другим обстоятельствам (обстоятельственные наречия: *пришел вовремя*, *сделал назло*).

Прилагательные на *-тельн(ый)*, определяя процессуальное имя, функционируют как наречия, поскольку называют признак действия, как собственно характеризующий (*старательная работа*), так и обстоятельственный (*разъяснительная беседа* – беседа с целью разъяснить). В другом отношении такие прилагательные подобны деепричастиям, так как характеризуют действие через отсылку к другому действию того же самого субъекта (ср. *работал*, *стараясь*; *беседовал*, *разъясняя что-л.*).

Как следует из вышеизложенного, в подавляющем большинстве случаев, сочетаясь с процессуальными именами, эти прилагательные имеют субъектную ориентацию.

Значительно реже они выступают как характеристика процесса, названного существительным, заполняющим объектную валентность того глагола, который является производящим для прилагательного: *непозволительное обращение* ← *обращение*, которое {*нельзя*} *позволить*, *принудительная работа* ← *работа*, к которой *принуждают* и т.д.

В подобных случаях атрибутивное словосочетание вводит информацию о двух пропозициях, в каждой из которых имеется свой собственный субъект: *принудительная работа* ≈ (1) *Х работает*, (2) *У принуждает*; *желательное решение* ≈ (1) *Х решает*, (2) *У желает* и т.п.

Таким образом, сочетание прилагательного с суффиксом *-тельн-* и процессуального имени существительного является особым средством пропозитивного насыщения высказывания. Как правило, такая конструкция содержит информацию о двух действиях одного и того же субъекта, причем одно действие грамматически маркируется как основное, а второе – как дополнительное, характеризующее первое в аспекте целеполагания, результата, характера протекания. В отдельных случаях эта конструкция вводит информацию о двух действиях двух разных субъектов.

С учетом сказанного можно полагать, что специфика словосочетаний *подражательное заикание*, *поведение*; *подражательные игры*, *танцы* и т.п. заключается в следующем.

¹ Варианты реализации этого значения: ‘осуществляемый с целью совершить действие, названное производящим’ (*восстановительные работы*); ‘характеризующий действие, названное производящим’ (*старательная работа*); ‘являющийся результатом действия, названного производящим’ (*утомительная работа*).

Прилагательное в их составе содержит информацию не о двух действиях субъекта (ср.: *выжидательное молчание X-а* ← *X молчит и выжидает*, но *подражательное заикание* ← **X подражает и заикается*), а, скорее, о природе того действия, которое названо опорным существительным. Действительно, словосочетание *подражательное заикание* имеет в качестве презумпции базовую конструкцию *X подражает Y*; в данном случае *Ребенок подражает заиканию взрослых*. Существительное *заикание* называет действие как объект подражания, причем субъект этого действия (взрослые) находится в позиции На периферии или За кадром.

Поскольку глагол *подражать* не обозначает какого-либо действия, отличного от того, которое названо его объектным актантом, данное высказывание имеет единственную возможную интерпретацию: *Ребенок заикается* (повторяя то, что делают взрослые). В результате дальнейшей номинализации существительное *заикание* осмысливается как действие иного субъекта, чем исходный.

Следовательно, опорное существительное в сочетаниях типа *подражательное заикание* оказывается функционально омонимичным. В исходном высказывании *Ребенок подражает заиканию взрослых* это существительное на поверхностном уровне обозначает объект подражания (на глубинном оно обеспечивает сворачивание пропозиции *взрослые заикаются*). В атрибутивном сочетании *подражательное заикание* опорное существительное обозначает действие другого субъекта (*ребенка*).

Таким образом, прилагательное *подражательный* в сочетании с процессуальными именами вводит и ранжирует информацию не о двух действиях одного субъекта, а о двух субъектах одного и того же действия, один из которых одновременно является субъектом этого действия и объектом подражания, а другой – и субъектом действия, и субъектом подражания.

Подражательный + существительное, обозначающее ту или иную форму творческой деятельности человека.

Употребления такого типа распространены достаточно широко, ср.: *Все это высокое и совершенное искусство XVI века в существе своем неоригинально, в мировом смысле подражательно и реакционно* (Н. Бердяев). См. также: *подражательное произведение, подражательные стихи, картины, песни, подражательная симфония, подражательное образование*.

В атрибутивных сочетаниях такого рода информация об участниках ситуации, названной производящим глаголом, полностью вытесняется на задний план, дезактуализируется. Это подтверждается невозможностью использовать опорное существительное такого сочетания как имя актанта при производящем глаголе: **скульптуры / стихи / песни подражают; *X подражает скульптурам / стихам / песням*.

Понятно, что смысл таких выражений, как *подражательные стихи*, основывается на последовательной цепочке импликаций, которые можно сформулировать следующим образом:

- (1) *поэт X подражает поэту Y*, т.е. ‘повторяет, воспроизводит с возможной точностью его творческую манеру, особенности его произведений’;
- (2) в результате стихи поэта *X* похожи на стихи поэта *Y*;
- (3) поэтому стихи поэта *X* характеризуются как *подражательные*.

Правомерно, по-видимому, говорить, что существительные *стихи, скульптуры, песни, картины, симфония* и т.п. метонимически указывают на автора (субъекта подражания), поскольку являются продуктом его деятельности, однако это указание все же не вполне тождественно той метонимической отсылке к агенту, которую регулярно осуществляют отглагольные дериваты типа *заикание, игра* и др.

Хотя последние «отрывают» действие от его производителя, выводят информацию о субъекте действия из коммуникативного фокуса высказывания, они

не могут ликвидировать связь между действием и субъектом как таковую. Любое отдельно взятое высказывание, содержащее номинализацию (*Игра была интересной; Поездка оказалась очень непростой*), получает корректную интерпретацию только в том случае, если указание на субъект присутствует в более широком контексте; в противном случае оно остается недостаточно информативным.

Напротив, высказывания о *стихах, картинах, скульптурах* могут быть содержательно достаточными даже тогда, когда неизвестен ни их автор, ни объект подражания. Констатации типа *Это подражательное произведение* допускают вполне однозначную интерпретацию, поскольку акцентируют внимание на отсутствии оригинальности, вторичности произведения, взятого само по себе, полностью выводя субъект и объект подражания из сферы рефлексии говорящего и слушающего.

В результате прилагательное накапливает собственное содержание, не вполне совпадающее с семантикой производящего глагола.

Этот процесс находит свое логическое завершение в составе словосочетаний *подражательные идеалы, подражательное явление*, опорное существительное в составе которых не содержит ни грамматической, ни семантической отсылки к субъекту подражания. Разумеется, указание на него может присутствовать в контексте, ср.:

Мы, русские, с нашими подражательными идеалами, с нашим пьянством и бесхарактерностью, с нашим безверием и умственной робостью сделать какой-нибудь шаг беспримерный на современном Западе, стоим теперь между этими двумя пробужденными азиатскими мирами (К. Леонтьев).

У нас декадентство явление подражательное, юнцы наши подражают творчеству жертв и выразителей психического распада буржуазной Европы (М. Горький).

Однако атрибутивное словосочетание само по себе никак не сигнализирует ни о носителе идеалов, ни об «авторе» декадентства как явления – прилагательное является средством констатации его вторичности, и только.

Таким образом, представляется возможным утверждать, что функционально-семантическая специфика прилагательного *подражательный* определяется характером того существительного, с которым оно сочетается. Как показал анализ, в роли такого существительного может выступать предикатное имя лица (*подражательный поэт*), продукта его деятельности (*подражательные стихи*), осуществляемого им действия или деятельности (*подражательное заикание*), абстрактное имя. Чем более абстрактной семантикой обладает определяемое имя, тем в меньшей степени сохраняется процессуальность отглагольного адъектива, поскольку тем сильнее его отрыв от обозначенной производящим словом прототипической ситуации и ее участников.

4. Отадъективное имя существительное как способ реализации семантики подражания

МАС толкует существительное *подражательность* как классический синтаксический дериват – ‘свойство по значению прилагательного *подражательный*’. Между тем в Национальном корпусе русского языка зафиксированы лишь единичные контексты, в котором это существительное используется традиционным для *nomen qualitatis* способом, образуя генитивное сочетание с тем субстантивом, который при производящем прилагательном выступает в роли определяемого слова (ср.: *легкая походка* → *легкость походки*, *строгий экзаменатор* → *строгость экзаменатора* и т.п.).

К таким употреблениям с определенными оговорками можно отнести, например, следующие:

Я смотрел на этих подвыпивших людей, тужившихся быть веселыми, видел подражательность, искусственность этого веселья и думал: «У природных

*американцев это получается лучше» (М. Магомаев) ≈ видел это **подражательное, искусственное веселье** ≈ видел, что это веселье **подражательно**.*

***Подражательность** прописных **чувств** он принимал за их общечеловечность (Б. Пастернак). ≈ **Подражательные** прописные чувства...*

Генитивная конструкция выступает здесь как синоним атрибутивной, точнее – как синоним сочетания с прилагательным в адъективной или предикативной функции.

Если позицию родительного падежа занимает имя лица, использование собственно атрибутивной формы в составе трансформации невозможно или сомнительно; впрочем, и предикативная воспринимается как окказиональное словопотребление:

*У славян вышло бы все это смешение и опошление хуже, чем где-либо, вследствие **подражательности славян**, вследствие слабости их охранительных и творческих сил (К. Леонтьев) ≈ вследствие того, что славяне **подражательны** (но не ***подражательных славян**).*

*При слишком большой **подражательности ссыльных** один арестант заражает другого, и в конце концов такие, казалось бы, пустяки, как контрабандная водка и игра в карты, ведут к невероятным беспорядкам (А. Чехов) ≈ ? при том, что ссыльные **подражательны** (но не ***при подражательных ссыльных**).*

Ограниченность примеров такого рода понятна: как отмечалось выше, прилагательное **подражательный** почти не образует сочетаний с именами лиц, а потому необходимая мотивирующая база для формирования генитивных конструкций отсутствует.

Значительно более распространенную группу употреблений образует сочетание существительного **подражательность** с зависимым дативом: *Стихи были еще наивные, незрелые, с явно выраженной подражательностью кумиру и почти земляку его Сергею Есенину (В. Астафьев); Он не был сторонником идеи изоляции культур, хотя расценивал **подражательность Европе** как одно из величайших зол для России (В. Хачатурян).*

Эти примеры легко продолжить: *упрек в подражательности западным периодическим изданиям, подражательность исчезнувшим народам римского мира и т.п.*

Очевидно, что существительное в подобных контекстах не обнаруживает способности к обратной трансформации в адъективное словосочетание и в меньшей степени соотносится с производящим прилагательным, чем с вершинным глаголом. От него оно, в частности, наследует регулярно заполняемую правую (объектную) валентность¹.

Субъект подражания может быть назван в предтексте, но его обозначение не образует с существительным **подражательность** словосочетания (***подражательность наших писателей писателям западным, *подражательность писателей чужим образцам**).

Предикаты основного высказывания либо бытийные (в том числе нулевые: *стихи с явно выраженной подражательностью*), обозначающие приобретение / утрату: *литература приобрела подражательность ближним образцам, он не вносил (в роль) подражательности внешней характерности лиц*; либо оценочные: *упрекать в подражательности западным изданиям, грешить подражательностью чужим образцам*.

Следовательно, в тех случаях, когда существительное **подражательность** управляет дательным падежом, называющим объект подражания (это, как прави-

¹ Судя по данным РГ, присловный дательный может распространять любую часть речи – однако при том условии, что она имеет процессуальное значение, ср.: *помочь (помощь) матери, сочувствовать (сочувствие) больному, враждебный людям* и т.п.

ло, тот или иной феномен культуры), оно ведет себя скорее как **отглагольный**, а не как адъективный дериват.

В третьей группе употреблений *подражательность* не имеет зависимого слова, заполняющего объектную валентность вершинного глагола. Однако и в таких контекстах анализируемый субстантив оказывается семантически более близким именно ему, а не производящему прилагательному.

В одних случаях *подражательность* легко заменяется на *подражание*: *Идея женской эмансипации доныне покоилась на глубокой вражде полов, на зависти и на подражательности* (Н. Бердяев); *Рецидивизм в преступлении также в известной мере основан на внушении и подражательности* (В. Бехтерев).

В других употреблениях *подражательность* (квалифицируемая авторами текста как свойство психики, личностная черта человека) обозначает 'способность / склонность подражать (к подражанию)': *В стремлении школьников использовать готовые речевые шаблоны обнаруживается такое **свойство психики**, как **подражательность*** (С. Тарасова); *Говоря об особенностях детей дошкольного возраста, Н.К. Крупская отмечала такие **присущие им черты**, как впечатлительность, эмоциональность, **подражательность**, интерес к повторению* (История педагогики); *Ярко проявляется **подражательность**, выражающаяся в стремлении копировать усвоенные способы действий* (С. Тарасова).

Любопытно, что во всех приведенных примерах суть *подражательности* разъясняется с помощью процессуальной лексики (см. подчеркнутые фрагменты). Свойство, таким образом, характеризуется в процессуальном аспекте, через указание на повторение действия (что, впрочем, не содержит какого-либо противоречия: известно, что некоторые глагольные предикаты вообще специализируются на обозначении «свойства», а не «явления», ср. *он любит мороженое, он знает математику*¹).

Итак, *подражательность*, как и положено существительным такого рода, может обозначать свойство, однако только в единичных контекстах и специфическим образом – как свойство другого свойства, состояния, абстрактной категории (*подражательность веселья, подражательность чувств*).

5. Заключение

Рассмотренный языковой материал позволяет сформулировать следующие выводы.

Глагол *подражать* описывает ситуацию с двумя обязательными участниками (*X подражает Y-у*), один из которых, *X*, – субъект (это лицо или, реже, животное), другой, *Y*, – объект подражания (типичные для другого лица / животного действия или свойства). Своеобразие значения рассматриваемого глагола заключается в том, что он не обозначает **самостоятельное** действие *X-а*, а только указывает, что *X повторяет*, воспроизводит другое действие – действие *Y-а*. Эта особенность глагола имеет несколько функционально-семантических последствий.

Во-первых, глагол *подражать* обнаруживает специфическую «неполнознаменательность», поскольку сам по себе не выражает никакой определенной информации о типе деятельности субъекта.

Во-вторых, «удельный вес» субъектного и объектного компонента оказывается неодинаковым: последний, бесспорно, более значим, поскольку уточняет содержание действия, о котором идет речь в высказывании. Несколько огрубляя, это можно представить в формуле: *X подражает Y-у* \approx (1) *Y делает P*; (2) *X делает P*².

Возможно, названные особенности глагола *подражать* объясняют тот факт, что отвлеченные имена, входящие в состав его словообразовательного гнезда,

¹ См. о типологии предикатов: [Булыгина, Шмелев, 1997].

² Как отмечалось выше, действие *P* может быть обозначено метонимически – с помощью имен предикатного типа.

отличаются меньшей функциональной и семантической дифференциацией, чем многие другие единицы такого типа (см.: [Ташлыкова, 2008; 2011]). Тем не менее можно констатировать наличие определенных тенденций в функционировании девербативов *подражание*, *подражательство* и деадъектива *подражательность*.

Отглагольные имена, во-первых, выступают как средство коммуникативного ранжирования и, во-вторых, как средство квалификативной характеристики.

Подражание выводит субъект из коммуникативного фокуса на периферию или в позицию За кадром, сосредоточивая внимание на объекте: *Визбор в эти годы тоже подражал Хемингуэю* (Субъект в фокусе, Объект в центре) ↔ *Подражание Хемингуэю коснулось в эти годы и Визбора* (Субъект на периферии, Объект в фокусе) ↔ *В эти годы как раз вошло в моду подражание Хемингуэю* (Субъект за кадром, Объект в фокусе). Особые возможности для акцентуации объектного компонента обеспечивает конструкция *образец / пример для подражания*.

Дальнейший «отрыв» описания ситуации от организующих ее участников явлен существительным *подражательство*. Оно, как правило, не образует словосочетаний с именем субъекта или объекта соответствующего действия и потому представляет ситуацию как не зависящую от ее участников. В результате *подражательство* не просто указывает на факт как таковой, а осуществляет квалификацию факта, прикрепляя к нему ярлык «Вторичное» / «Неоригинальное».

В роли такого же ярлыка может функционировать прилагательное *подражательный* (ср. *подражательное декадентство*), однако значительно чаще (в сочетании с процессуальными именами) оно вводит и ранжирует информацию о двух субъектах одноименного действия, один из которых одновременно является субъектом этого действия и объектом подражания, а другой – и субъектом действия, и субъектом подражания.

Наименьшей функциональной определенностью характеризуется существительное *подражательность*. Это связано, как представляется, с тем, что его формальные и содержательные характеристики есть результат диалектического взаимодействия онтологически противоречивых начал, причем количество таких взаимодействующих начал значительно больше, чем в смысловой структуре обычных синтаксических дериватов, упаковывающих лексическое значение производящей единицы в нестандартную для нее грамматическую форму. Действительно,

- суффикс *-ость-* вводит анализируемый субстантив в ряд отвлеченных имен, обозначающих признак по соответствующему прилагательному;
- производящее прилагательное в данном случае не имеет собственного содержания – оно только отсылает к семантике базового глагола;
- процессуальное значение, которое служит первоисточником для семантики рассматриваемого субстантива, также является дефектным, поскольку содержит информацию о действии субъекта, «отзеркаливающим» другое действие другого субъекта;
- признак, имеющий процессуальную природу, характеризует, как правило, непредметные сущности.

В результате существительное *подражательность* оказывается (за единичными исключениями) неспособным назвать признак предмета и занять определенную функционально-семантическую нишу. Оно употребляется как дополнительное обозначение соответствующего процесса и – более специализированно – как обозначение склонности или способности осуществлять этот процесс, составляющей сущностное свойство субъекта (ясно, что в этом случае информация об объекте подражания оказывается абсолютно нерелевантной).

Таким образом, отвлеченные имена, входящие в словообразовательное гнездо глагола *подражать*, обнаруживают сложное взаимодействие процессуальной, признаковой и субстанциональной семантики. В результате ситуация подражания получает такие средства языковой репрезентации, которые, взаимно дополняя

друг друга, во-первых, осуществляют «перетекание» значения от одного компонента ситуации к другому, сопровождаемое коммуникативной актуализацией соответствующего компонента¹, и, во-вторых, накапливают новое семантическое качество, выводящее их за пределы синтаксической деривации.

Литература

- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. С. 395–409.
- Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация: Анализ производных предложений русского языка: Пособие по спецкурсу. Пермь, 1974.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Русская грамматика. М., 1982.
- Ташлыкова М.Б. Семантика привычки в современном русском языке // Российский лингвистический ежегодник. 2008. Вып. 10 (3). С. 108–120.
- Ташлыкова М.Б. Философия случая в русской языковой картине мира // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Красноярск, 2011. Кн. 2.
- Ташлыкова М.Б. Глагол *подражать*: семантические следствия расщепления валентности // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 124–133.

¹ Ср. замечательную по точности и изяществу формулировку мысль Е.В. Падучевой, высказанную в связи с анализом другого языкового материала: «Участники переходят из света в тень – и даже в полный мрак чистого подразумевания – и обратно, не меняя своей роли в ситуации» [Падучева, 2004, с. 97].